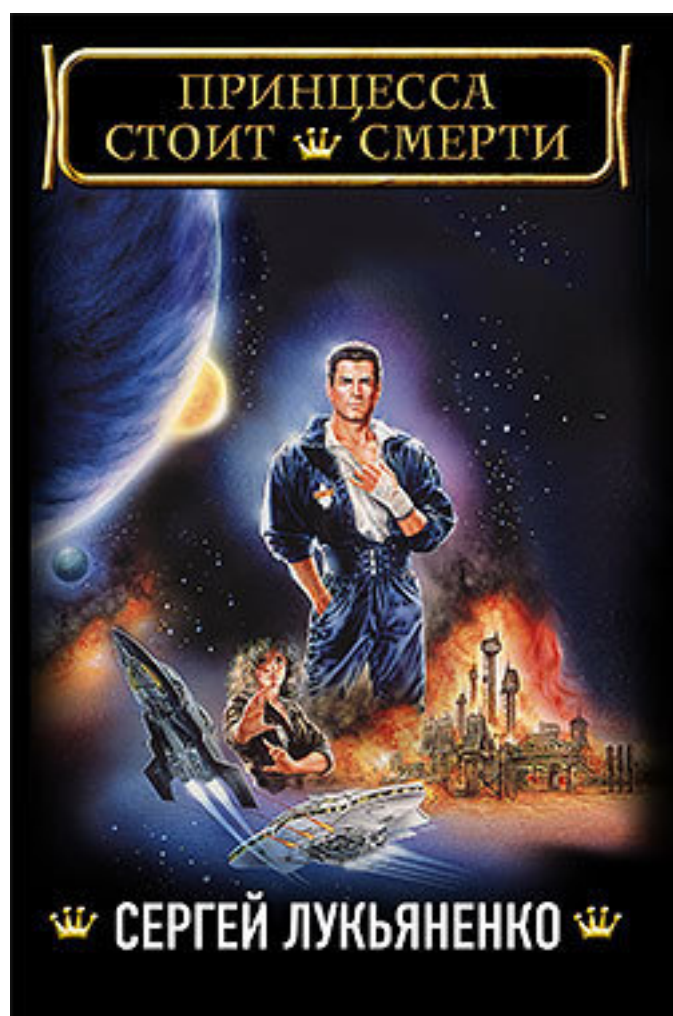

ПРИНЦЕССА
СТОИТ СМЕРТИ

 СЕРГЕЙ ЛУКЬЯНЕНКО

Лорд с планеты Земля

Сергей Лукьяненко

Принцесса стоит смерти

«АСТ»

1994

Лукьяненко С. В.

Принцесса стоит смерти / С. В. Лукьяненко — «АСТ»,
1994 — (Лорд с планеты Земля)

Это история, в которой есть место для всего – глубин космоса и галактических войн, странных союзников и необыкновенных врагов, вампиров, что не прячут своих клыков, и атомарных мечей, что острее косы самой Смерти... И одновременно это история любви. «Принцесса стоит смерти» – роман, от которого невозможно оторваться!

© Лукьяненко С. В., 1994

© АСТ, 1994

Содержание

«Игра стоит принцессы»	5
Принцесса стоит смерти	6
Часть первая	6
1. Обручение	6
2. Зов	11
3. Плоскостной меч	16
4. Наставник для лорда	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Сергей Лукьяненко

Принцесса стоит смерти

«Игра стоит принцессы» (вместо предисловия)

Чем может закончиться обычное знакомство в парке, когда супермен районного масштаба защищает в жестокой драке девчонку? Свадьбой, дуэлью, сражением в космосе, галактической войной?

И тем, и другим, и третьим с четвертым вместе. Потому что именно с этой встречи начинается фантастический роман-трилогия Сергея Лукьяненко «Лорд с планеты Земля».

Уж если девушка оказывается принцессой далекой звездной империи, то все остальное приложится: бластеры и звездолеты, паутинные мины и храмы предтеч-Сеятелей. А еще атомарные мечи, чьи лезвия затачиваются волнами пламени, – мечи острее косы Смерти и бритвы Оккама.

Вот это жизнь – когда с ходу врываешься в незнакомый мир. Когда переворачиваешь его с ног на голову, добиваясь своего. Когда выкладываешься до предела в последней схватке, сделав все возможное, невозможное – и победив!

Разве может не увлечь приключение, в котором детская игрушка – пружинный пистолет – становится оружием, изменяющим судьбы планет. Где давнишнее желание переиграть, исправить допущенную ошибку исполняется, легко вращая в реальность из разноцветного миража компьютерных игр...

Религиозные фанатики, вооруженные до зубов, и вампиры, не прячущие свои клыки. Станные друзья и необыкновенные враги, поединки на орбите и фокусы со временем. Неожиданные встречи и неизбежные расставания – все впереди у героя, решившегося выбрать из всех женщин Вселенной одну – Принцессу.

Но мало, оказывается, только решиться. Мало даже содейть недостижимое, надо еще подтвердить свое право на совершенный поступок. Заставить себя и всех поверить в него.

Можно с головой окунуться в авантюры и странствия, испытывая себя на прочность ежеминутными опасностями. Но и это не выход. Поток событий, не увеличивающих своего масштаба, может сделаться однообразным. И если нет движения ко все более сложным играм, к увеличению ставок – сюжет блекнет. Совет Черной Королевы Алисе остается в силе: «...здесь, знаешь ли, приходится бежать со всех ног, чтобы только остаться на том же месте».

А куда бежать, если все окружающие признали в тебе всемогущего Принца, и даже сам – нет, не принимая величия всерьез, – уже выставляешь моральный счет родной планете: «... если ненавидеть – то целую цивилизацию».

Звезды над головой и нравственный закон внутри нас – вот чему остается бросить вызов. То и другое – лишь имена из бесконечного списка самоназваний Вселенной. И результат поединка с ними одинаков. Разные – лишь пути. Если умение ненавидеть вытеснило умение любить, то как ни называй Силу, выбравшую тебя своей игрушкой, у ее истоков стоишь ты сам.

Какой из путей выбрали Принц и Принцесса, Земля и звезды? Кто победил в поединке?

Решайте сами. Для этого стоит прочитать трилогию, где ответом на любой вопрос может стать песня или удар меча, поцелуй принцессы или гибель планеты.

Но вопросов все равно останется больше.

Принцесса стоит смерти

Памяти Виталия Ивановича Бугрова...

Часть первая Лорд

1. Обручение

– В тебя можно влюбиться?

Я не сразу расслышал вопрос. Занятый очень сложной попыткой подняться с земли, не опираясь на разбитые в кровь кулаки, я почти забыл про девчонку. Такое часто случается в очень жестоких драках – к их концу успевают забыться причина ссоры.

– В тебя можно влюбиться?

Мне наконец-то удалось встать. Сильнее всего болели руки, и это неплохо. Выходит, большую часть ударов я сблочнокировал. Если бы не прямой в лицо на последних секундах, победа оказалась бы идеальной. И бескровной – для меня, конечно...

– В тебя можно влюбиться?

Голос девчонки был настойчивым и спокойным. Слово не ее, отчаянно и неумело отбивавшуюся, тащили недавно к скамейке трое здоровенных ублюдков. Будто и не было короткой, беспощадной драки, к концу которой я впервые перешел незримую грань – начал бить на поражение. Насмерть. Потому что иначе могли убить меня.

Я будто увидел себя со стороны. Высокий, мускулистый, в разорванной рубашке, с залитым кровью лицом. Кастет у них был, что ли? Супермен-любитель, нетвердо стоящий над тремя поверженными врагами рядом со спасенной девушкой. Можно ли в такого влюбиться?

– Да, конечно, – вполголоса, не осознав еще нелепости вопроса, сказал я. – Можно...

И посмотрел на девчонку.

Господи, и чего они к ней привязались? Совсем еще малолетка, лет тринадцати-четырнадцати. Красивая, правда...

Очень красивая.

Мягкие каштановые волосы, свободно падающие на тонкие плечи. Стройные ноги, длинные, но без подростковой несоразмерности. Фигурка, правильная до идеальности, до классических пропорций греческих скульптур. Большие темно-синие глаза на тревожном и от этого еще более красивом лице. Значит, все-таки испугалась... Лишь голос остался странно спокойным.

Я смотрел, не в силах оторвать взгляда. Она и одета была удивительно: в коротких облегающих шортах, маечке-топике из глянцевиной багрово-красной ткани, таких же вишневых кроссовках, бледно-розовых носочках, валиками скатавшихся на шиколотках. Тонкую шею дважды обвивала золотистая цепь, такая массивная, что у меня мелькнула мысль – подделка. И вдруг я понял, что никакая это не подделка. На девчонке не было ничего бутафорского. Цепь – золотая, стоящая уйму денег.

Господи, и как на нее не напали раньше?

– Тебе очень больно? – тихо спросила девчонка.

Я покачал головой. Больно, конечно, но тебе не стоит об этом думать. Тебе надо поскорее попасть домой. И не бродить по ночам в самом заброшенном городском парке, где полно обкуренных анашой юнцов и напившихся до одури пьянчуг.

– Сейчас все пройдет, – уверенно сказала девчонка. И протянула ко мне руку.

Теплые, нежные пальцы коснулись моего лица. Она словно не видела запекшейся липкой крови. Или – не боялась до нее дотронуться.

Боль прошла.

Меня обдало холодным ветром. Сознание обрело ясность. Я напрягся, готовый снова кинуться в драку. Готовый умереть из-за незнакомой девчонки. Готовый убить любого, кто посмеет ее обидеть.

А боль исчезла.

– Я очень рада, – продолжала девчонка. – Ты красивый, хоть это и не важно. Ты сильный, но и это не самое главное. Ты смелый.

На секунду она замолчала. Ее пальцы скользили по моему лицу, и где-то в глубине рождался легкий холодок. Странно, ведь ладонь такая теплая...

– А самое главное – в тебя можно влюбиться.

Я кивнул. Теперь уже вполне сознательно. Я хочу, чтобы ты в меня влюбилась, странная девчонка.

Потому что уже люблю тебя.

– Ты будешь ждать, пока я вырасту?

Она улыбнулась, и огромные синие глаза вспыхнули. Девчонка спрашивала, уже зная ответ. Словно исполняя скучный, но обязательный ритуал.

– Да.

– Тогда дай мне руку.

Что-то тяжелое и маленькое легло в мою ладонь. Пальцы сжались сами собой, пряча неожиданный подарок.

– Ты должен носить его, пока не передумаешь. Пока не устанешь ждать. А мне пора.

Девчонка шагнула назад. В темноту, в сплетение деревьев, в неизвестность.

– Постой... – Я подался к ней. – Я провожу.

И снова улыбка – смеющиеся глаза на лице юной богини.

– Меня проводят. Это слишком далекий путь... для тебя. Я рада, что мы обручились.

Прощай.

На меня упало непонятное оцепенение. Я видел, как она уходит, и каждая клеточка тела, каждый мускул, каждый нерв тянулся вслед. Надо пойти за ней, надо проводить девчонку домой...

Но я не мог сдвинуться с места. Я лишь смотрел на нее. А потом разжал ладонь. И увидел кольцо из тяжелого желтого металла.

...Сегодня вечером мы тусовались на хате у Крола. Какое место он занимает в нашей конторе, понятно, я думаю, по прозвищу. Лопухий, с вечно красными слезящимися глазами, не по делу суетливый. Зато с родителями-геологами, вечно пропадающими в командировках, и вполне приличным японским видаком.

На тусовку я пришел уже разогретым. Состояние было странным – обычно я или совсем не пью, или довожу себя до полного кайфа. Сейчас мне пить не хотелось абсолютно.

В комнате у Крола было темно, работал видеоманитофон, на широкой разболтанной кровати сидело человек семь-восемь. Кто-то громко позвал:

– Серж, приземляйся!

И потише, но куда более властным голосом:

– Эй, место Сержу...

Я вяло взмахнул рукой, одновременно и здороваясь, и объясняя, что не собираюсь садиться. Постоял минуту, привалившись к косяку, глядя на экран, где шел очередной «Кошмар на улице Вязов». Неистребимый Фредди Крюгер молотил пальцами-бритвами тощего

очкастого парня. Кровь хлестала фонтаном. Очкарик с обреченным видом, словно понимая бесплодность своей затеи, палил во Фредди из двух огромных револьверов. Ключья полосатой рубахи и гнилого мяса вылетали из Крюгера эффектными гейзерами.

Развернувшись, я побрел к ванной. Вслед мне несся восторженный голос гундосого переводчика: «А теперь, ребята, я займусь вами по-настоящему...»

В ванной комнате готовилась к любви незнакомая парочка. Девчонка уже разделась, парень стягивал брюки. На меня они уставились так ошалело, что я немного протрезвел. Даже дошло, в чем дело – дверь была заперта на довольно массивную щеколду. Не рассчитал усилия, что поделаешь.

– Я быстро, – объяснил я, включая холодную воду. – Чувствую потребность умыться...

Ледяная струя хлестнула по затылку, потекла за шиворот. Я помотал головой, постанывая от наслаждения. Так, что мне еще нужно? Сигарету...

Девчонка стояла смиренно, прикрывшись полотенцем. Парень медленно багровел от злости. Крутя головой под струей воды, я краем глаза наблюдал за ним и пытался предугадать дальнейшую реакцию. Если он меня знает, то выждет минуту, приладит задвижку на двери и спокойно...

Так, значит, не знает. Я дернулся, уходя от удара. Парень саданул ребром ладони по чугунному краю ванны и взвыл. Не давая ему опомниться, я ударил в плечо. Несильно, просто разворачивая в удобную позицию... И вплепал ногой в живот – на этот раз покрепче. Парень согнулся и сел на пол.

– Еще полезешь – ударю ниже, – наставительно произнес я. – Будешь неработоспособен.

Поискал глазами полотенце, не нашел. Улыбнулся девушке:

– Мне бы вытереться.

Она быстро протянула полотенце, которое держала перед собой на манер ширмы. Я осторожно взял махровое полотнище за уголки и, продолжая занавешивать девушку, промокнул лицо, кивнул и вышел в коридор.

Поиски сигареты привели на кухню. Будь моей целью введение в легкие никотина, этого посещения оказалось бы вполне достаточно. Несмотря на открытое окно и небольшое количество народа – трое парней да целующаяся парочка, – воздух казался настоящим кислородом на табачном дыме.

Устроившись на подоконнике рядом с Графом и Досом, я не глядя протянул руку. Граф вложил в нее новенькую, только распечатанную пачку: мягкая желтая обертка с пасущимся на фоне пирамид верблюдом. Явно штатовские, не лицензионные.

Ого...

Я подцепил «кэмелину», а пачку опустил в карман:

– Ты мне даришь, идет?

Граф поморщился, но возражать не стал. Поднес зажигалку, тоже фирменную, на этот раз предусмотрительно не выпуская из рук.

Затянувшись, я блаженно улыбнулся и расслабленно откинулся назад. Прямо в проем открытого окна.

Девчонка, не прекращая целоваться, завизжала. Я перегнулся через карниз, замер, разглядывая с высоты девятого этажа ночную Алма-Ату. Ровные, как линейкой вычерченные, обозначенные пунктиром фонарей улицы. Пятна цветного света на площадях. Машины, ползущие по улицам, некогда носившим имена Пастера и Горького, а ныне – кого-то труднозапоминаемого. Окутанное мягким светом здание высотной гостиницы с горящей красными огоньками «коронкой» на крыше.

Ногами я надежно зацепился за чугунные ребра батареи. Дос похлопал меня по животу: хватит дурить, навернешься вниз...

Я распрямился, снова усаживаясь на подоконник. Граф молча кивнул на стол, где в окружении стопок и нарезанной толстыми ломтями колбасы скучала ополовиненная бутылка водки. Две ее пустые сестры лежали под столом. Я помотал головой. Нет, не хочу. Не знаю почему, но не тянет...

В прихожей хлопнула дверь. Через минуту, заполненную шорохом снимаемой обуви и тихим разговором, в кухню вошел Ромик. За ним – незнакомая девчонка.

Голова закружилась. Я вдруг почувствовал, что трезвею. Синие глаза из-под каштановой челки, стройная фигурка, джинсовые шортики. Девчонка была красивая. И казалась до боли знакомой.

Я смотрел, как Ромик с подружкой приближаются к нам. А в глубине души звучал вкрадчивый шепоток рассудка: «Успокойся. Опомнись, Сергей. Прошло пять лет. Почти пять... Можно влюбиться в семнадцать лет, но глупо вспоминать в двадцать два детскую любовь. Она просто похожа».

Очень похожа.

Я пожал Ромкину ладонь. И почему у него вечно влажные руки? Граф бесцеремонно спросил:

– Ты с новой подружкой?

Ромик покосился на девушку, уклончиво сказал:

– Как видишь.

– Я пока не твоя подружка, – рассматривая нас, сказала девушка. – Ты меня представишь?

– Знакомьтесь, это Ада. С биофака... – начал Ромик.

– Вначале представляют мужчин, – брезгливо произнесла Ада. Она оценивающе смотрела на меня. Так изучают манекен в витрине.

Подвинув плечом Доса, я взял Аду за руку. Потянул к себе:

– Садись.

Она молча села.

– Меня зовут Серж. Будешь со мной?

Ада пожала плечами. Взглянула на Ромика. Тот косо улыбнулся.

– Не беспокойся, он разрешит, – объяснил я. – На той неделе я ему уступил свою девчонку, так что за ним должок. Верно, Ромик?

– Серж, ты оборзел, – тихо сказал Ромик.

– Исчезни, – приказал я.

Ромик взял со стола полную стопку. Залпом выпил. Бросил на меня ненавидящий взгляд. И вышел.

Он меня знал.

Я прикрыл глаза, затаился, глотая сладковатый дым, услышал голос Графа:

– Поговорить с ним, Серж?

Я покачал головой:

Он в своем праве, Граф. А я и верно оборзел. Сам разберусь.

Сигарета дотлела почти до фильтра. С каждой затяжкой табак казался все крепче.

– Мне не нравится, что ты куришь, – негромко сказала Ада.

Я кивнул, доставая из кармана пачку. Перебросил ее через плечо, в темный провал окна, сплюнул на пол окурочек. Граф тоскливо посмотрел в окно. Сказал, ни к кому не обращаясь:

– В валютном брал...

– За мной, – успокоил я его. – Граф, мне нужна пустая комната.

Граф кивнул. Подхватил Доса, потянул из кухни. Парочка и третий парнишка смылись еще раньше.

– И что это значит? – отстраняясь от меня, спросила Ада.

Я жадно разглядывал ее. Похожа. Но той девчонке сейчас лет восемнадцать. Ада старше.

– В тебя можно влюбиться? – выделяя каждое слово, спросил я.

Ада пожала плечами:

– Это твое дело. Рискни...

...И что-то словно расколосось. Похожие черты стерлись. Обаяние исчезло. Рядом сидела обыкновенная двадцатилетняя девушка, в меру красивая, в меру наглая. С крашенными в модный цвет волосами. В сексапильных шортиках, сооруженных из старых джинсов.

Та девчонка ответила бы по-другому. Не знаю как, но не так деланно-небрежно, с видом роковой женщины, прошедшей огонь, воду и медные трубы.

– Пить ты мне разрешаешь? – грубо спросил я и потянулся за бутылкой. Ада кивнула. Я глотал водку прямо из горлышка, не чувствуя обжигающего пламени на губах.

– Оставь, – попросила Ада.

Я протянул ей бутылку с плещущимися на доньшке остатками. Вдохнул полной грудью. Рот, горло – все словно загорелось, налилось жгучей тяжестью. В сознании мелькнула четкая, предупреждающая мысль: «Через полчаса я отключусь».

Я посмотрел на Аду. Она допила водку точно так же – из горлышка. И ничего, сидела спокойно, заложив ногу за ногу. Я вдруг заметил, что ноги покрыты редкими волосиками. Несильно, да еще и старательно обесцвеченными, но...

«Что может быть страшнее волосатых женских ног? Волосатая женская грудь».

С грудью мы разобратся успеем.

– Ты про меня слыхала? – спросил я, чувствуя, что язык повинуется с некоторым трудом.

Ада кивнула:

– Да. Ты Сергей-Серж. Держишь весь район, а мог бы держать и город. Каратист. Инструктор рукопашного боя в спортклубе.

– Что еще? – требовательно спросил я.

– Воевал где-то на юге с сепаратистами. Был ранен в Каспийском десанте. Учился в меде, бросил. Сейчас восстанавливаешься.

Ничего себе известность...

– Еще, – почти закричал я.

Ада помолчала.

– Ты никогда и никому не признавался в любви. Даже тем, с кем спал. А их было немало. Говорят, что лет пять назад, еще при Союзе, ты спас от бандитов девушку и полюбил ее. Она подарила тебе кольцо, которое ты с тех пор носишь. Это оно?

Я поднял правую руку – нестерпимо тяжелую и неуклюжую. На безымянном пальце тускло желтело кольцо. Бледной искоркой светился вдавленный в золото крошечный бриллиант.

– Ему не нравится, – тоскливо сказал я. Голову застилал колеблющийся туман, перед глазами все плыло. – Видишь, как оно потускнело? Я делаю дрянь, я веду себя как свинья...

Приблизив лицо к Аде, я шепнул:

– Ты на нее похожа, ясно? Снаружи...

Ада понимающе кивнула:

– Я поняла. Ты ведь ни у кого не отбивал девчонок. Они сами к тебе липнут.

– Ты про меня все знаешь, – задумчиво сказал я. – Давно за мной охотилась? Я же в тебя не влюблюсь...

– Мне нравятся сильные мужчины. – Она тряхнула челкой. – Те, кто сильнее меня.

– Кто подавляет твою волю... Кому хочется подчиняться. Мне жаль тебя, Адка, – как в бреду прошептал я. Комната исчезла. Были лишь неяркий свет, вязнувший в сигаретном дыму, и девчонка с хищными глазами. – Хочешь, чтобы я тебя взял? Ладушки, возьму.

– Прямо здесь? – иронично спросила она.

– Да.

Я подцепил пальцами поясok на шортах, дернул:

– Снимай!

Она соскочила с подоконника. Секунду глядела на меня – показалось, что Ада сейчас двинет мне по морде и уйдет... А я брошусь вслед, захлебываясь в оправданиях, в пьяной вере, что все-таки нашел ее, девчонку из детского сна, из первой любви...

Ада расстегнула пуговицу на шортах, с треском развела молнию. Стоптала шорты, оставшись в кружевных белых трусиках.

– Дальше! – сползая с подоконника, велел я. – И блузку...

2. Зов

Я проснулся к полудню. Раскалывалась от боли голова. Во рту пересохло, губы покрылись сухой белой гадостью.

А еще мне было нестерпимо стыдно. За избитого в ванной парня. За пижонство с сигаретами. За опозоренного Ромку.

За синеглазую симпатягу с коротким именем Ада.

Я посмотрел на кольцо – оно казалось скорее серым, чем желтым. Бриллиант походил на стекляшку.

– Я сволочь, – вставая со скомканной простыни, прошептал я. – Сволочь, которая держит район. Сволочь, которая учит сопляков драться и заколачивает на этом деньги.

По пути в ванную я включил магнитофон, и квартиру наполнил грохот электронной музыки. Старина Жан-Мишель Жар старался вовсю.

Холодный душ. Потом – горячий: тугие струи кипятка, бьющие из гибкого шланга. И снова – ледяная вода под предельным напором.

Я замерз и обжегся. То постанывал от удовольствия, то визжал от боли. Потом, не вытираясь, вылез из ванны, прошлепал на кухню, поставил греться чайник. Квартира была пуста – родители давно ушли на работу. Мои хорошие родители, гордящиеся хорошим сыном.

– Я сволочь, – повторил я. – Но тебя так трудно ждать. Так долго... Я ведь правда тебя люблю. Хоть и не знаю ничего, даже имени.

Залив кипятком две ложки растворимого кофе, я уселся с чашкой за стол. Вскрыл пачку галет. Есть не хотелось, наоборот, подташнивало. Но я по опыту знал, что после еды станет легче.

Попивая кофе, я украдкой взглянул на кольцо. Металл ожил, налился чистой янтарной желтизной. Прозрачный кристаллик, который я привык считать бриллиантом, начал блестеть.

Иногда мне казалось, что именно кольцо не позволяет забыть давнюю встречу в парке. Странное это было кольцо – меняющееся в зависимости от моего настроения. Сейчас, после мысленного покаяния, оно стало нормальным, красивым золотым кольцом. А камень поблескивал даже ярче обычного.

Гораздо ярче.

Я полюбовался переживаниями света на крупинке углерода, которую чудовищное давление и жар превратили из черного угля в сверкающий алмаз.

Если кольцо было случайным подарком незнакомому спасителю, то странная девчонка была дочерью миллионера. Вряд ли я снова увижу ее. Наверняка не встречу никого похожего.

И все же – здорово, что она была. Смеющиеся синие глаза. Мягкие пальцы, смывающие боль. И настойчивый вопрос: «В тебя можно влюбиться?»

– Да, – ласково произнес я, глядя на кольцо. – Да.

– Ты все еще ждешь?

– Да.

– Ты придешь, если я попрошу?

– Да...

Меня подбросило со стула. Да нет же, я соскочил сам. Я уже не вспоминал. Не болтал сам с собой.

В гулкой тишине, особенно ощутимой после доигравшей кассеты, я слышал ее голос. И вовсе не такой, как в мечтах, – спокойный и по-детски беззаботный. Голос дрожал, словно от страха или боли. Он был неуверенным и тихим. И в то же время стал тверже и серьезнее. Девочка выросла.

И вспомнила обо мне!

– Ты не боишься? Это очень далекий путь.

Я покачал головой. Наступила тишина. Голос исчез. И вдруг до меня дошло, что она может и не видеть моего жеста.

– Я не боюсь.

Теперь я понял, откуда шел голос – из кольца. Так вот ты какой, драгоценный подарок...

– Время уходит, и надо спешить. Подумай еще раз – ты не пожалеешь? Я зову тебя в иной мир, на другую планету.

Наверное, я догадывался об этом всегда. В душе не мелькнуло даже тени удивления. Не было и страха. Жалеть этот мир? Пьяные рожи Графа и Доса? Два года армии, в частях спецназа? Вечерние разговоры родителей – какой прекрасной была наша страна до распада, при Лене... Еженедельный мордобой на незримых границах, делящих город на подростковые районы?

– Я приду. Я не пожалею.

Пауза. Молчание, белое и похрустывающее, как стерильный медицинский халат. Секундная пауза.

– Скажи, ты и правда... помнил меня?

Ее голос превратился в едва слышный шепот.

– Да... – Я растерялся.

– Со мной беда. Большая беда. Ты – последний шанс для многих тысяч... людей. Так получилось. Древний обычай стал преградой на пути зла.

– Не понимаю, – беспомощно произнес я. – Объясни, что случилось?

– Время уходит. Ты знаешь, что можешь погибнуть?

– Да... наверное.

– Ты придешь?

– Да! Но как?

– Сейчас я разобью камень нашего кольца. Он – ключ, закрывающий туннель. Барьер исчезнет, и ты придешь. Но я не знаю, кто встретит тебя на моей планете – враг или друг.

Почему-то меня удивили слова о «нашем кольце». И так же быстро, как появилось, непонимание рассеялось. Я неожиданно понял: на ее руке – то же кольцо, что и у меня. Кольцо раздвоено, разделено на два мира.

– Я иду, – просто сказал я. – Иду.

Камень в кольце вспыхнул ослепительной белой искрой. Зеркальные грани покрыла паутина трещин. Еще мгновение – и он исчез совсем. А кольцо окуталось золотистым сиянием. Тонкой невесомой пленкой оно растеклось по руке, скользнуло по телу, охватило меня мерцающей пеленой.

И мир вокруг исчез.

Я падал. Нет, скорее, летел в невесомости, в бесплотной желтизне, сладкой как мед и теплой как янтарь. Меня раскачивали на огромных нежных ладонях, меня убаюкивали ласковыми прикосновениями. Мир был напоен теплом и покоем, в нем не осталось места для страха или боли. Приветливые голоса шептали что-то доброе, напевали бесконечную гипнотизирующую

щую мелодию. Призрачные тени стремились ко мне, повинуюсь едва осознанным мыслям. Тело словно разрасталось, заполняя собой весь этот нереальный мир, превращаясь в прозрачный, солнечно-желтый, пахнущий лимоном и мятой дым; в облачко апельсиновой пыли; в бриллиантовый дождь, падающий на огромный золотистый круг.

И вдруг, довершая магическое очарование полета, на меня обрушилась волна нестерпимого, сладострастного, выворачивающего тело наизнанку наслаждения. Я бился в судорогах, пытаюсь удержать последние, ускользающие крупинки дурманящего нечеловеческого удовольствия. Но янтарный туман уже исчезал, рассеивался, гас...

Я очнулся.

Самым неприятным оказалось, что, выйдя из ванной, я не удосужился одеться. Теперь, когда я лежал ничком на каменистой, усыпанной острыми камешками земле, нагота причиняла нестерпимую боль. Переход от наслаждения к страданию оказался так резок, что на несколько мгновений я потерял способность думать и двигаться. Хотелось сжаться, замереть, впасть в сонное оцепенение. Но именно этот контраст помог мне прийти в себя, забыть сладостный бред гипертуннеля.

Первым движением я осторожно отжался от земли. Впившиеся в тело камешки посыпались вниз. Затем резким толчком поднялся, замер, рефлекторно принимая боевую стойку.

Вокруг до самого горизонта тянулась каменистая степь. Ни пучка травы, ни кустика, ни деревца. Ни единого голубого пятнышка воды. Бурая равнина под безоблачным, но непривычно темным небом. И дышится... не по-земному. Воздух словно профильтрованный, ни малейшего запаха. Даже пылью не пахнет, а уж это, по-моему, для степи – обязательно. А солнце в небе обычное, желтое, как дома.

– Похоже, залетел, – прошептал я самому себе.

Куда ты позвала меня, девчонка из детского сна? Куда забросило магическое кольцо, неизменный талисман, драгоценная игрушка?

Со смешанным чувством стыда и злости я посмотрел на себя. Голый атлет. Не дай Бог, наткнушь сейчас на женщину...

Не дай Бог, ни на кого не наткнушь. Сколько суток человек живет без воды? Трое или пятеро...

Я вдруг вспомнил о кольце. Взглянул на руку – не исчезло ли? Кольцо по-прежнему было надето на безымянный палец. А вот кристаллик-бриллиант исчез. Даже вмятины в золоте не оставил. Что ж, ключ в замке повернут, и барьер приоткрылся. Обратной дороги нет.

Посмотрев по сторонам – везде одно и то же, выжженная степь, никакой разницы, – я сориентировался по солнцу и решил, что пойду на восток. Конечно, если я не ошибся и сейчас утро.

Ноги не болели даже после трехчасовой ходьбы босиком. Сказались тренировки по карате. Иногда мне кажется, что на подошвах, ребрах ладоней и костяшках пальцев вместо кожи выросла какая-то роговая пластина, твердая и абсолютно нечувствительная. А вот пить хотелось ужасно. Я с тоской вспоминал недопитый кофе, ну а вид чайника, наполняемого из-под крана холодной водой, старался вообще изгнать из сознания. Если жажда так мучает после небольшой прогулки, завтра она станет непереносимой.

К тому же меня подвело солнце. Оно неторопливо садилось на востоке. Выходит, сейчас не утро, а вечер. Ну а двигаюсь я на запад.

Конечно, в выборе направления не было никакой разницы. Вполне возможно, что идти следовало на север, где мог располагаться какой-нибудь здешний мегаполис. Не исключено, что на юге раскинулись огромные озера, по берегам которых растут съедобные плоды. Но ошибаться всегда обидно.

Когда солнце наполовину скрылось за горизонтом, я начал готовиться ко сну: высматривать более-менее ровное и свободное от щебенки место. Первая неловкость от ходьбы голышом уже прошла. Все равно никто не видит. Я чувствовал себя первобытным человеком, не успевшим еще изобрести одежду.

Правда, на руке у меня было кольцо. Иногда я касался его кончиками пальцев, словно ожидая чего-то. Совета, поддержки, глотка воды... Ты позвала, девчонка моей мечты, и я пришел.

Я иду.

Гул родился высоко в небе, на западе. Я остановился, всматриваясь. И увидел, как над огненным полукругом заходящего солнца серебристыми искорками блеснули две летящие точки.

Почему-то я сразу подумал о боевых самолетах, об истребителях. На такую мысль наводили то ли стремительность полета, то ли явно заметные маневры «самолетов». Тот, что летел первым, непрерывно менял высоту и скорость, пикировал, свечой взмывал вверх. Второй синхронно повторял его движения, все сокращая и сокращая расстояние.

Здрав голову, я следил за полетом. Оба летательных аппарата были уже надо мной, но высота, не меньше чем пятикилометровая, мешала разглядеть очертания. Просто серебристые точки в темном небе – там, где они мчались, солнце еще светило вовсю.

Я ждал развязки. Я был уверен, что она неизбежна, что погоня окончится где-то здесь. И развязка последовала, но не та, которая казалась самой вероятной.

Клубящееся белое пламя, неяркое, похожее скорее на дым, чем на огонь, появилось вокруг преследователя. Серебристая машина стала уходить в сторону. Но медленно, очень медленно. А светящееся облако сместилось ей вслед – так стальные опилки ползут по листу бумаги за сильным магнитом.

Окутанная белым пламенем машина начала падать. Отвесно, кувыряясь, с каждой секундой обретая объем, превращаясь в нечто вроде сплюснутого шара. Еще несколько секунд смертоносное облако снижалось рядом, затем отстало и померкло.

Сбитый аппарат падал прямо на меня. Я пригнулся, торопливо решая, стоит ли убежать и куда. Но машина, похоже, еще не совсем потеряла управление. Скользя на высоте сотни метров, она замедлила движение, зависла. На какой-то миг я решил, что ей удастся благополучно сесть.

С негромким, похожим на хлопок взрывом металлический шар развалился. Блеснуло оранжевое пламя.

Вколоченные в армии рефлексy не подвели. В прыжке, не обращая уже внимания на камни, я растянулся на земле, ногами к огню. От инопланетной техники я ожидал любой гадости, вплоть до атомного взрыва.

Осколки глухо пробарабанили вокруг. Дохнуло жаром, спину обдал горячий ветер. Еще несколько секунд в воздухе висел давящий гул, глухой болью отзывающийся во всем теле. Потом стих и он. Лишь одиноко позвякивала железяка, катившаяся по камням в мою сторону.

Я поднялся. Метрах в пяти, завершая свое движение, подпрыгивал на одном месте маленький металлический диск – уцелевшая деталь разрушенного аппарата. Невдалеке темнела груда обломков, ничем не напоминавшая сплюснутый шар, еще недавно стремительно маневрировавший в небе. Оружие, используемое в этом мире, при всей своей экзотичности было весьма эффективным.

Обогнув диск (приблизиться к нему абсолютно не хотелось), я побрел к обломкам. Найти там что-то целое представлялось нереальным, но и острый кусок металла окажется очень полезным. Нож – это самое простое, но и самое надежное в мире оружие. Он не дает осечек, и в нем не кончаются патроны. Правда, и от своего владельца нож требует некоторых навыков...

В глубине души я понимал, что подходить к разрушенной машине небезопасно. Она могла быть радиоактивной. Топливо, чем бы оно ни было, скорее всего ядовито. Наконец, во взорвавшемся аппарате вполне способны уцелеть пока еще не взорвавшиеся блоки. Кое-где по металлическому хламу пробегали язычки светлого пламени. Земля под ногами была горячей. Повторный взрыв мог последовать в любую секунду.

К остаткам машины я так и не подошел. В нескольких метрах от них я увидел пилота.

Он лежал, раскинув руки, недвижимым черным отпечатком на фоне серого круга невыгоревшей земли. Фигура была человеческая, антрацитово-черная, похожая на густую тень, на обугленную, выкрашенную темной кистью огня деревяшку. Но когда я подошел ближе, то увидел, что пламя его пощадило. Просто от кончиков пальцев и до макушки пилота обтягивал тугой, вырисовывавший каждый мускул комбинезон. Ткань маслянисто поблескивала, но на ней не было ни красных отблесков заката, ни голубых бликов догорающей машины. Она словно впитывала падающий свет, чтобы преломить его, переработать в собственное легкое мерцание. Кое-где тонкая пленка комбинезона набухла гроздьями маленьких шариков, утолщалась, превращаясь в узкие ленты-ремни, охватывающие тело.

К поясу пилота была пристегнута короткая широкая кобура, расположенная непривычно – справа. У левого же бедра, прижимаясь к ноге, крепился длинный плоский чехол ножен.

Мне приходилось видеть разную форму. И нашу, армейскую, бывшего Советского Союза. И пестрое, нередко нелепое обмундирование национальных воинских формирований. Я помнил мундиры «голубых касок», частей ООН, высаживавшихся на пылающие улицы Тирасполя из своих огромных двухвинтовых десантных вертолетов. Международные силы сдерживания сменили тогда нас – спецназовцев – на границах крошечной Приднестровской республики.

Но ни в одной армии моего мира летчики ВВС не летали с пристегнутым мечом.

Я глянул вверх. Второй аппарат уже исчез. Он даже не снизился к сбитому противнику. Опасался чего-то?

Мешкать все же не следовало.

Колебался я недолго. Ночевка в степи без одежды привлекала меня меньше, чем мародерство. Осторожно перевернув тело на спину, я с некоторым страхом взглянул на лицо. Оно оказалось человеческим. Пилоту было лет сорок, комплекции мы оказались почти одинаковой. Я не увидел следов крови, но безжизненно расширенные зрачки не оставляли никаких сомнений. Пилот был мертв.

Мысленно извинившись, я принялся разбираться с застежками комбинезона. Шов был один, он тянулся от шеи до низа живота. Вскоре я понял, что он открывается при давлении на него с одновременным смещением вправо. Принцип действия застежки остался мне неясен. Скорее всего – какой-то магнитный механизм. В конце концов, какая разница...

Минут через десять я стоял одетый в глянцево-черный комбинезон. Белья с пилота я снимать не стал, он так и остался в светло-сером, похожем на спортивный, костюме. Снять и его было бы логичнее, но это не позволили мне совесть и брезгливость. К тому же черная ткань и без того приятно холодила обнаженную кожу. Ремни, впрессованные в нее, почти не ощущались. Они слегка сократились в поясе, растянулись в плечах, и комбинезон подогнался под мою фигуру. Удобно.

– Не знаю, кто ты и за что погиб, – вполголоса сказал я. – Но за такую одежду – спасибо. А я сделаю для тебя что могу...

Я огляделся, подыскивая подходящий кусок металла, чтобы вырыть неглубокую могилу. Обломки уже догорели, никаких признаков жизни поблизости не было, а бросить непогребенным тело я не мог. Однажды, в горном бою на Кавказе, мы потеряли троих ребят, вытаскивая из-под обстрела труп нашего сержанта. Наше отношение к убитым на войне – словно попытка извиниться за то, что мы сами еще живы...

3. Плоскостной меч

Первую ночь в чужом мире я провел беспокойно. В комбинезоне погибшего летчика было тепло и уютно, вокруг – тихо и безжизненно. Далеко позади остались обломки летательного аппарата, ставшие памятником над безымянной могилой. Но уснул я не сразу.

Тысячами ослепительных звезд, узорами незнакомых созвездий, цветными полотнищами туманностей пылало надо мной чужое небо. У планеты, на которой я находился, не оказалось крупных, заметных спутников, но светло было, как в полнолуние. Только сейчас, глядя на звезды, названий которых не знал, я понял, как далеко нахожусь от дома. Не просто от дома – от всей Земли. Бесконечно далеко. Жизнь словно перелистнула несколько страниц и начала новую главу. Еще неизвестно, интересную или нет, печальную или веселую. Просто новую. Лишь я – главное действующее лицо – прежний. Сергей-Серж, студент-медик и отставной десантник с Земли, влюбившийся пять лет назад в звездную принцессу, девочку из мечты...

Она позвала. И я пришел.

Сжимая ладонь на кобуре пистолета, я уснул. Детальный осмотр оружия придется отложить до утра – даже в светлом полумраке здешней ночи не следует заниматься делом, требующим максимальной сосредоточенности и осторожности. Достаточно и того, что на ладном, словно бы вылитом из цельного куска металла, пистолете есть спусковая кнопка. О принципе действия можно подумать и утром. Последней моей мыслью было: как сильно хочется пить...

С ней же я и проснулся. Во рту не осталось ни капли слюны, язык распух и болел, губы покрылись мерзким, отвратительным на вкус налетом. Сон не принес ни бодрости, ни сил.

Над степью медленно вставало солнце. Небо снова наполнилось густой синевой, не оставив и следа от ночного великолепия. Воздух был прохладным, но сухим. И ни росинки на камнях.

С некоторым усилием я поднялся, пару раз сглотнул, разминая пересохшее горло. Провел ладонью по голове, приглаживая волосы. Повернулся спиной к солнцу. Тень упала на землю тонким, указующим направлением перстом.

Вперед.

На ходу я достал из кобуры пистолет, снова осмотрел его. Да, вчерашний осмотр не подвел: никаких предохранителей или регуляторов. Только спусковая кнопка, широкая и удобная.

Нацелив оружие на ближайший валун, я надавил на спуск. Плавно и осторожно, готовый в любое мгновение отдернуть палец или бросить пистолет.

Руку стало отжимать назад. Ничего похожего на отдачу от выстрела. Ощущение скорее напоминало легкое давление включенного вентилятора.

А валун покрылся сетью мелких извилистых трещин. Я торопливо убрал палец с кнопки, опустил пистолет. Но камень с едва слышным потрескиванием продолжал разваливаться на куски. Из углубляющихся трещин полетела серая пыль, посыпалось каменное крошево. словно неуклюжий стальной крот ворочался в глубине валуна, разваливая его на части.

Грохот, с которым рассыпался камень, заставил меня зажать уши. Невидимый крот завершил свою работу: вместо метрового камня лежала груда щебенки, окутанная пылью.

Что ж, с пистолетом кое-что прояснилось. Действовал он подобно тому оружию, которое уничтожило летательный аппарат. Он не был лазерным излучателем или иным «лучом смерти», он лишь создавал в поражаемом объекте нарастающее напряжение, в конце концов его разрушающее.

Я вернул пистолет в кобуру и взглянул на ножны. Выглядывающая из них рукоять смотрелась вполне современно. Полукруглая гарда из тускло-серого сплава, надежно защищающая кисть. Покрытая эластичным рубчатым пластиком рукоять того же густого черного цвета, что и комбинезон. И в довершение картины – круглая красная кнопка на торце рукояти.

Если при первом взгляде на меч мне припомнились ритуальные кортики у офицеров-моряков, то теперь я засомневался. На ритуальном мече кнопка ни к чему.

Я осторожно потянул меч из ножен. Показался клинок: неестественно тонкий, сантиметра в четыре шириной, нежно-голубой, почти белый. Он вынимался очень плавно, но в то же время с ощутимым сопротивлением. Так скользят на невидимых пружинах силовых линий одноименные полюса магнитов, проносимые мимо друг друга. Вглядевшись в клинок, я понял, что сравнение оказалось верным. Он действительно не касался ножен – между ними и лезвием угадывался тонкий воздушный зазор. Извлеченный из ножен клинок был удивительно красив. Белый металл лезвия гармонично переходил в светлосерую гарду, а затем в черную рукоять. В мече была изящная простота, доступная лишь холодному оружию.

Но зачем на нем кнопка?

Вытянув меч перед собой, я нажал на маленький красный кружок. Кнопка легко вдавилась в рукоять, замерла на мгновение и с щелчком выдвинулась обратно. А серое полушарие эфеса засветилось неярким голубым огнем. По нему пробежало несколько светящихся кругов, сходящихся к лезвию. Круги сжались в тонкий мерцающий ободок, дрожащий на основании клинка.

Затаив дыхание, я смотрел на меч.

Светящийся ободок набух, оторвался от металла, превращаясь в сплющенное колечко белого пламени. Потрескивая, с характерным запахом озона, колечко скользнуло вверх по клинку. На конце меча пламя сжалось в белый огонек, коснулось острия и угасло. Словно втянулось в металл.

Меч снова казался обычным. Я протянул руку к клинку, но так и не коснулся лезвия. Не хотелось... Вместо этого я повернул его так, что он обратился ко мне режущей кромкой.

Клинок исчез. Стал едва заметной туманной линией, ниточкой, тенью. Я повернул рукоять, и ниточка развернулась блестящей металлической полосой. Обратный поворот – и снова неуловимая зыбкая черта.

Лезвие «ритуального» меча было микронной толщины. А может, куда тоньше. Меч словно не имел одного измерения – толщины, прекрасно обходясь длиной и шириной. Плоскостной меч.

Название оружию пришло само собой. Я снова покрутил мечом, наблюдая, как исчезает и появляется клинок. Плоскость. Узкая, невообразимо острая, принявшая форму меча плоскость. Плоскостной меч...

Коротким, несильным ударом я рубанул по лежащему на земле камню. Клинок беззвучно вспорол воздух, прорезал камень насквозь и, не задерживаясь, вошел в землю. Я остановил меч, потянул его назад. Лезвие без малейшего усилия вышло наружу.

Камень продолжал лежать. Целый и невредимый, даже зарубки не осталось. С недоумением посмотрев на него, я перевел взгляд на меч. Забавно. Клинок, такой острый... что даже не рубит.

Я пнул булыжник ногой. Он качнулся и распался на две половинки. Грань, по которой они разделились, была идеально ровной и блестела как зеркало.

К лесу я подошел в полдень, когда солнце доползло до зенита и замерло в небе, раздумывая, стоит ли спускаться. Жажда к этому моменту совсем меня доконала. Я даже не сразу осознал, что темная полоска на горизонте, постепенно приобретающая вид зеленой бахромы, – это не просто деревья. Это еще и вода. Это жизнь.

Последние метры до лесной опушки я преодолел бегом. Комичное зрелище, если посмотреть со стороны: едва переставляющий ноги человек вдруг бросается бежать, сокращая свой путь на минуты, но теряя последние остатки сил.

Воды не было. Деревья, с виду совсем обычные, с раскачиваемыми ветерком ветвями и слегка желтеющими листочками, вставали из совершенно сухой, твердой как камень земли. Я прошел несколько шагов, растерянно оглядываясь по сторонам. Ни травинки, ни кустика. Лишь толстые, метрового диаметра стволы, покрытые растрескавшейся бурой корой. Где, на какой глубине их корни находят воду? И как мне напиться в этом странном лесу?

Дрожащая тень листьев прикрывала меня от солнца, принося минутное эфемерное облегчение. Захватив рукой ближайшую ветку, я провел ее сквозь плотно сжатый кулак, сдирая упругие листья. Набил рот пригоршней терпко пахнущей зелени, сжал челюсти...

Рот наполнился горечью. Отвратительный маслянистый вкус заставил выплюнуть листья. Жевать их было просто невозможно. Я выплюнул зеленую гадость, пытаясь избавиться от тошноты. В обычной ситуации меня бы вырвало, но сейчас организм упорно не хотел расставаться хотя бы с минимумом жидкости.

Я медленно приходил в себя. И вдруг услышал из-за спины насмешливый, презрительный хохот. Так – уверенно и от души – смеются сильные, здоровые люди, наблюдая за изображающим дурачка клоуном.

Не было ни страха, ни любопытства. Наверное, я слишком устал. Плавню повернувшись на звук, я положил руку на пистолет – скорее машинально, чем действительно опасаясь. В смехе угадывалась неприязнь, но не было угрозы.

Он стоял метрах в пяти от меня. Высокий, атлетически сложенный, в странной одежде. На нем было нечто вроде свободного широкого плаща из пятнисто-зеленой материи, не скрывающего фигуру, а непонятным образом подчеркивающего ее. Плащ абсолютно свободными складками свисал с плеч мужчины, но, словно наэлектризованный, в нескольких точках прилипал к телу, обрисовывая его контуры. На ногах, заправленные в высокие ботинки, были брюки из гофрированной оранжевой ткани. Человек в такой одежде выглядел бы забавно, не высывайся из складок плаща рукоять меча. Такая же, с красной кнопкой, как и у меня.

– Кто вы? – хрипло спросил я.

Мужчина шагнул ко мне. Лицо его выступило из тени деревьев, и я понял, что он немногим старше меня. Смуглую скорее от природы, чем от загара, кожу покрывала густая сеть мелких, давних уже шрамов. Сквозь эту оставленную жизнью тайнопись проступали неровные пятна, похожие на следы старых ожогов. Но, как ни странно, лицо мужчины не было отталкивающим. Угадывалась в нем та ироничная беззаботность, что заставляет примириться со многими недостатками, и в первую очередь – с этой самой излишней ироничностью.

– Кто вы? – повторил я.

Мужчина неторопливо достал из складок плаща меч. Я услышал легкий шелест выходящего из ножен клинка.

– Я солдат императора, – негромко произнес он. – Ты умрешь, чужак.

Он говорил не на русском и не на английском, который я неплохо знал. Абсолютно незнакомая речь, но почему-то я понимал каждое слово и почему-то сам говорил на том же языке.

– Защищайся, – вытягивая меч в мою сторону, добавил мужчина. – Умри в бою, чужак.

Неуловимым движением он нажал кнопку на рукояти меча. По лезвию скользнул светящийся ободок.

Вынуть пистолет из кобуры – дело нехитрое. Через секунду я держал его под прицелом. Меня охватила злость.

– Не собираюсь устраивать здесь дуэлей, – не размышляя, поймет ли он меня, произнес я. – Не двигайся, или буду стрелять.

Мужчина засмеялся снова. Так же беззлобно, как и раньше. Понял.

– Попробуй, чужак, – сказал он. – Стреляй.

И пошел вперед.

Я выстрелил в сторону. В дерево, из-за которого он вышел. Но, нажимая на спуск, уже понимал, что пистолет не сработает.

– Мы в нейтрализующем поле, чужак, – улыбаясь, сказал мужчина. – Бери меч.

Я смотрел, как он идет ко мне, все еще не вынимая свой клинок. Дело даже не в том, что я не умел фехтовать, что драка на мечах была для меня такой же экзотикой, как умение бросать лассо или томагавк. В голове вертелась конкретная мысль: что, если столкнутся два меча, перерубающие все? Сломаются оба? Или... один перерубит другой?

Судя по поведению противника – второе.

Я потянул меч из ножен, нажал на кнопку так же, как мой противник. По лезвию прошла волна белого пламени.

– Не понимаю, в чем дело, – пытаюсь говорить как можно спокойнее и миролюбивее, сказал я. – Не имею никаких причин с вами драться, да и желания тоже...

Теперь мужчина был от меня в трех-четыре шагах. На расстоянии чуть большем длины меча в вытянутой руке.

– Ты гвардеец Шоррэя, – пожал плечами мужчина. – Ты пришел к нам с войной. Но теперь тебе придется понять, что победа правителя еще не означает победы для каждого из его слуг.

Он взмахнул мечом, легко, беззвучно рассекая воздух между нами. Совершенно машинально, не осознавая ненужности этого движения, я вскинул свой меч навстречу, пытаюсь отбить вражеский клинок.

Мечи столкнулись со свистящим звуком, похожим на тот, когда острая бритва вспарывает лист бумаги. В руках у меня оказался короткий, сантиметров двадцать, обломок. Отрубленное лезвие упало на землю.

– Хорошая мысль, но бездарное исполнение, – с некоторым разочарованием сказал мужчина. – Я вижу, что пилотов перестали обучать владению одноатомником. А зря...

Он снова поднял меч. И на секунду задержался с ударом.

– Ты можешь деактивировать комбинезон, пилот. Он все равно тебе не поможет, но продлит мучения.

Я чувствовал себя беспомощнее, чем кролик перед удавом. Меня хотели убить не в приступе гнева, не наказывая за какую-то реальную вину, а так небрежно, как вырывают выросший посреди цветника сорняк.

Я не умею деактивировать комбинезон. Честно говоря, я и активировать-то его не умею.

– Врешь.

Меч упал на меня с такой быстротой, словно был наделен маленьким реактивным двигателем. Казалось, сверкающее острие само тянется к моему телу, а мужчина лишь удерживает его за рукоятку, не давая разделаться со мной слишком быстро.

Уклониться я все же успел. Единственным возможным способом – упав на спину и откатившись в сторону. Жалким обломком своего меча я запустил в мужчину – и конечно же не попал. Через мгновение он стоял надо мной, отводя меч назад для последнего удара.

Въевшиеся в подсознание навыки оказались сильнее разума. Я вскинул правую руку, закрывая лицо. Отличный блок для защиты от удара ногой или палкой, но совершенно бесполезный против меча. Тем более – одноатомника.

– Откуда у тебя это кольцо? – внезапно повышая голос, спросил мужчина. Меч замер в нескольких сантиметрах от моей руки.

– Это подарок, – коротко выдохнул я.

– Чей?

Лезвие по-прежнему висело над моим лицом.

– Девушки. Девочки... – поправился я. – Это было пять лет назад...

Небрежным движением мужчина отправил меч в ножны. Нагнулся, протягивая мне руку, – полы плаща качнулись, обдав слабым запахом озона.

– Вставайте, ваша светлость. Я не узнал вас.

Совершенно ошарашенный, не в силах даже радоваться спасению, я встал. А мой несостоявшийся убийца продолжал:

– Пять лет назад я видел вас... но вы сильно изменились. Да еще и летный комбинезон гвардии Шоррэя. Что я могу сделать для вас?

– Пить. Дайте воды.

Через секунду я жадно глотал воду из фляги. А мужчина негромко сказал:

– Шансов у вас нет. Но... Принцесса стоит смерти.

4. Наставник для лорда

Убежища везде одинаковы. В любом мире, на любой планете они имеют лишь одну цель – сохранить человеку жизнь. О комфорте при их строительстве не задумываются. «Волчье логово» Гитлера или подземная ставка Сталина – не в счет.

Бетонный купол, в который я вошел, а вернее, приплелся вслед за незнакомцем, напоминал снаружи маленький холмик, обложенный дерном и обсаженный деревцами. Внутри же он сиял первозданной наготой. Бетонные стены не были даже оштукатурены, кое-где проглядывала стальная арматура. Посредине виднелся прорезанный в полу металлический люк, полускрытый множеством пластиковых ящичков, внушительного размера канистр и баллонов. В стороне валялось нечто, напоминающее надувной матрас, но не прямоугольной, а квадратной формы. На нем – пара скомканных простыней и одеяло, рядом, прямо на бетонном полу, – вскрытые баночки с остатками какой-то пищи. Я невольно сглотнул слюну.

– Вы голодны, ваша светлость, – бросив на меня быстрый взгляд, сказал мужчина. – Садитесь, я приготовлю обед.

Почти без сил я опустился на пружинящий матрас. Взглянул на потолок, где одиноко и ярко светился белый матовый шар на витом шнуре. Похоже, электрическое освещение. Ничего особенно удивительного.

Передо мной оказалась пара открытых баночек: одна с густой, заправленной мясом кашей, другая с дымящимся бульоном. И это знакомо, саморазогревающиеся консервы.

– Попробуйте, ваша светлость, – подавая мне узкую двузубую вилку, произнес мужчина. – Мне кажется, что наш метаболизм схож и никаких недоразумений от этой пищи не будет.

С недоумением взяв предложенную вилку, я случайно сжал ее черенок. Зубцы шелкнули, расширяясь и сливаясь в маленькую полусферу. В руке у меня оказалась удобная, глубокая ложка. Такого я на Земле не встречал.

Каша оказалась вполне сносной, а горячий бульон – просто великолепным. Допивая его, я спросил:

– Почему вы называете меня светлостью?

Мужчина улыбнулся:

– Человек, обрученный с принцессой, становится лордом. Кем вы являлись на своей планете, значения не имеет.

Отставляя опустевшую баночку, я пожал плечами:

– Меня зовут Серж... во всяком случае, друзья зовут так. Я всего лишь студент... бывший сержант десантных войск. Как ваше имя, если я могу его узнать?

Во взгляде мужчины появилось легкое любопытство.

– Меня зовут Эрнадо. Друзья называют просто Сержантом. Я тоже сержант десантных войск, и тоже бывший. наших войск больше не существует, а десантники, похоже, уничтожены полностью. Они защищали дворец до последнего.

Наши взгляды встретились.

– Как всегда, как и у нас, – тихо сказал я. – Первыми принимаем бой и первыми его завершаем. Побеждая или погибая.

Поколебавшись секунду, Эрнадо протянул мне руку:

– У вас есть такой обычай, Серж?

Я сжал его ладонь, твердую и горячую, как не успевший остыть после закалки металл.

– Да, Сержант. А еще мы называем друзей на «ты».

Бесстрастное лицо Эрнадо опять прорезала короткая, быстрая улыбка.

– Это здорово, Серж. На наших планетах хорошие обычаи.

И тогда я почувствовал, как что-то внутри меня медленно расслабляется.

– Объясни мне, что происходит, Сержант, – попросил я.

– Наша планета может показаться тебе странной, – начал Сержант, усаживаясь на матрас рядом со мной. – Тем более что ты не знаком ни с одним из еще более странных миров, существующих во Вселенной. Начать можно с того, что нами правит император.

Я пожал плечами.

– Ты не удивлен, потому что на твоей планете королевская власть еще не отошла в далекое прошлое, в предания и легенды. Но во Вселенной монархия – редкость. Игра случая. В мирах, где соседствуют и ежечасно соприкасаются десятки, сотни самых разных цивилизаций, монархия выжить не может. Она слишком консервативна, слишком озабочена внутренним самосохранением, чтобы успешно защищаться от внешней агрессии. Однако на нашей планете власть императора уцелела.

– Почему? – совсем не риторически спросил я. Все, что хоть отдаленно касалось принцессы, меня интересовало.

– По многим причинам. Планета была колонизирована беглыми монархистами во главе с наследным принцем Таром. На остатках кораблей военного флота они спаслись с восставшей планеты Итания, спаслись, отправившись в неисследованную область космоса. Им удалось открыть эту планету, пригодную для жизни, но крайне ограниченную в природных ресурсах. Достаточно сказать, что лишь полпроцента ее территории может использоваться для земледелия, а запасы полезных ископаемых ограничиваются металлическими рудами и крайне бедными урановыми породами. Нищая биосфера, практически отсутствуют уголь и нефть. Запасы пресной воды сосредоточены в горных ледниках и нескольких озерах, они ничтожно малы и обеспечивают существование не более миллиона людей. Наш мир, ставший спасением для горстки беглецов, не представлял никакого интереса для захватчиков. Развиваясь в течение пятисот лет без постороннего вмешательства, наши предки создали общественный строй, имеющий множество своеобразных ритуалов и правил. Связанный договорами о дружбе с десятками соседних цивилизаций, рассматривающих нас как забавную и безобидную случайность, наш мир сумел достичь величия.

Эрнадо неторопливо вынул из ножен меч:

– Это было нашим первым шагом к славе. Атомарный меч, созданный в лабораториях императора Тара Восьмого, приковал к нам внимание всей Вселенной. Дело в том, – пояснил он, увидев мое недоумение, – что уже много сотен лет было известно нейтрализующее поле, широко применяемое в планетарных войнах. Именно это поле, вырабатываемое генератором убежища, помешало тебе развалить меня в молекулярную пыль. В радиусе действия генератора невозможно применение лучевого, взрывного и прочего энергетического оружия. В нейтрализующем поле глохнут реактивные и бензиновые двигатели, с трудом функционируют лишь маломощные электрические. Войны, происходившие на планетах, превратились в дикарские побоища холодным оружием, ведущиеся под прикрытием генераторов поля. Использовались отравляющие вещества и биологическое оружие, поэтому солдаты сражались в противогазах, а то и в космических скафандрах. Атомарный меч, перед которым обычное холодное оружие

не более чем бесполезный хлам, стремились иметь все развитые планеты. Именно поэтому они не позволили друг другу завоевать нас. В течение пятидесяти трех лет, пока секрет атомарных мечей не был раскрыт другими цивилизациями, мы неслыханно разбогатели и стали одним из общепризнанных центров производства оружия.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.